

Иван Кузьмичев
«На дне»
М. Горького

Судьба пьесы в жизни, на сцене и в критике

Иван Кузьмичев

**«На дне» М. Горького.
Судьба пьесы в жизни,
на сцене и в критике**

«Издательские решения»

Кузьмичев И.

«На дне» М. Горького. Судьба пьесы в жизни, на сцене и в критике
/ И. Кузьмичев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-852786-9

Книга доктора филологических наук профессора И. К. Кузьмичева представляет собой опыт разностороннего изучения знаменитого произведения М. Горького — пьесы «На дне», более ста лет вызывающего споры у нас в стране и за рубежом. Автор стремится проследить судьбу пьесы в жизни, на сцене и в критике на протяжении всей её истории, начиная с 1902 года, а также ответить на вопрос, в чем её актуальность для нашего времени.

ISBN 978-5-44-852786-9

© Кузьмичев И.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Введение. Современен ли Горький?	8
Глава первая. В поисках истины	16
I	16
Конец ознакомительного фрагмента.	23

«На дне» М. Горького Судьба пьесы в жизни, на сцене и в критике

Иван Кузьмичев

© Иван Кузьмичев, 2017

ISBN 978-5-4485-2786-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Первое издание этой книги вышло в свет летом 1981 г. в г. Горьком, в Волго-Вятском книжном издательстве тиражом 10 000 экземпляров и к осени того же года через книжную сеть торговую сеть региона было распродано.¹

Раньше всех на её появление отозвалась А. Н. Алексеева, известный нижегородский критик и педагог, опубликовав в «Горьковской правде» от 28.02.1982 г. статью «Новые мысли о старой пьесе». «В книге, – напишет Ариадна Николаевна, – видны широкая эрудиция автора, твёрдость убеждений. Смелость его живительна – какой-то свежий, здоровый воздух в книге, и дышать легко и вольно. В ней нет академизма, «теоретического» кокетничества, умозрительности: факты и их очень простое, естественное и умное истолкование». «Автор книги, – отмечает рецензент, – не видит, вопреки многим критикам, никакой безнадёжности в IV акте пьесы. Пьеса светлая, а монолог Сатина только подтверждение горьковской морали: «Восстающего поддержки!» и в заключение добавит: «Это же не смирение вовсе, а стойкость!»²

Откликнется на книгу и молодёжная нижегородская газета «Ленинская смена» (А. Павлов, 27.03.1983): «Книга эта вышла уже более года назад, но написана она с таким полемическим задором, так свежо и убеждающе сильно раскрыта тема исследования, волнующего, в общем-то, широкий круг читателей, что суждено ей, очевидно, ещё не раз обратиться на себя самое пристальное внимание». Завершится статья следующими словами:

«Книга, о которой мы говорим, с книжных полок магазинов исчезла мгновенно, да и тираж её невелик – 10 000 экземпляров. У Волго-Вятского книжного издательства уже был случай, когда учёное исследование В. Грехнёва о пушкинской лирике было переиздано. Думается, и книга И. К. Кузьмичёва заслуживает повторного издания»³.

Может быть, всё бы так когда-нибудь и было, но 16 декабря 2010 года унитарное предприятие «Волго-Вятское книжное издательство» перестало существовать. Издательство, способное выпускать по несколько миллионов экземпляров книг в год, было ликвидировано. У нижегородских городских и губернских властей не оказалось ни желания, ни умения исправить положение. Однако вернёмся к библиографии.

После статей А. Алексеевой и А. Павлова следует назвать «РЖ» (Реферативный журнал) – Серия 7. Литературоведение, в котором напечатана статья В. Н. Сеченович о книге и журнал «Волга», в котором имеется содержательная рецензия «Итог борьбы или борьба итогов?» многообещающего и талантливого филолога из Чебоксарского университета В. А. Злобина, к сожалению, рано умершего. Следует особо сказать о пане Селицком, русисте из Польши. Он не раз писал об авторе этих строк в польской прессе и на появление книги о пьесе «На дне» ответил статьёй, в которой показал её сильные и слабые стороны⁴.

¹ К89. 83.ЗР7. Кузьмичев И. К. «На дне» М. Горького: Судьба пьесы в жизни, на сцене и в критике. – Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1981. – 223 с., ил. Волго-Вятское книжное издательство основано в 1961 г. в результате слияния Горьковского и Кировского книжных издательств, отделение в Кирове. В 1979 г. оно достигло самых высоких результатов, выпустив около 100 книг и брошюр общим тиражом 2,9 млн. экземпляров. Директор издательства – В. Князев, главный редактор – Л. Дементьева, редактор книги «На дне» М. Горького» И. Кузьмичёва – А. Белкин. Успешной реализации продукции издательства, в том числе и книги о пьесе «На дне», способствовала хорошо налаженная информация, в чём руководители издательства принимали личное участие. Дементьева Л.: На пути к читателю (Книги 1981) // Горьк. рабочий. — 1981. – 24 янв.; Князев В. Издательство: сегодня и завтра // Горьк. правда. – 1981. – 1 февр.

² Алексеева, А. Н. Новые мысли о старой пьесе / А. Н. Алексеева // Горьковская правда. – 1982. – 28 февр.

³ Павлов А. Новое о пьесе «На дне» / А. Павлов // Ленинская смена. – 1983. – 27 мар.

⁴ Сеченович В. Н. – «РЖ» (Реферативный журнал). – ИНИОН. – Серия 7. Литературоведение, 1982. – №3. – С. 121 – 124. Злобин В. А. Итог борьбы или борьба итогов? / В. А. Злобин // Волга – 1982. – №9. – С. 153 – 157. Sielicki, Fr. I. K. Kuzmiczow. «Na dnie» M. Gorkogo. Sud'ba piesy w zyzni, na scenie i w kritikie. Wolgo-Wiatskoje kniznoje izdatielstwo, Gork'ij, 1981, s. 223 / Fr. Sielicki // Slawica Wratislaviensia XXXI. Wrocław, 1984. – S. 114 – 116.

Не пропадает интерес к книге и позднее. На неё обратят внимание многие, в том числе А. И. Овчаренко⁵, С. И. Сухих, Г. С. Зайцева, О. С. Сухих, Т. В. Савинкова, М. П. Шустов, Н. И. Хоменко, Д. А. Благов, А. Б. Удодов, В. И. Самохвалова, В. А. Ханов, Т. Д. Белова, И. Ф. Ерёмкина, Н. Н. Примочкина, М. И. Громова. Список рецензий и откликов насчитывает более 25 наименований⁶.

Леденёв Ф. В. включит фрагмент из нашей книги в свой проект изучения школьниками пьесы «На дне» без каких-либо комментариев⁷.

Л. А. Спиридонова (Евстигнеева), которая после трагической кончины А. И. Овчаренко (20 июля 1988 г.) возьмёт на себя многие обязанности покойного, в том числе негласную роль главного горьковеда ИМЛИ и куратора «Горьковских чтений» на родине писателя, найдёт необходимым включить нашу книгу о пьесе «На дне» в элитарный список из 5—6 названий к своей книге «М. Горький в жизни и творчестве: учебное пособие для школ, гимназий и колледжей»⁸.

Освоение пьесы «На дне» М. Горького нелёгкое, но интересное и благодатное занятие не только в средней, но и в высшей школе. Надеемся, что знакомство с книгой, посвящённой анализу пьесы «На дне», поможет развить интерес к творчеству Максима Горького учащейся молодёжи и всех, кому не безразлична русская литература.

Предлагаемое читателю интернет-издание идентично выпущенному в 1981 году. В книгу включены иллюстрации, предоставленные Литературным музеем А. М. Горького. Фотоматериалы не полностью соответствуют тем, которые содержались в первом издании книги, поскольку не все использованные в издании 1981 года фотографии удалось найти в приемлемом качестве.

И. К. Кузьмичёв

Нижний Новгород, март 2017 г.

---

⁵ Овчаренко, А. И. М. Горький и литературные искания XX столетия / А. И. Овчаренко. – 4-е изд. – М.: Художественная литература, 1982. – С. 219. Он же. Избранные произведения в 2-х томах. Т. 1. / А. И. Овчаренко. —М.: Художественная литература, 1986. – С. 219.

⁶ Кузьмичёв Иван Кириллович. К 90-летию со дня рождения. Указатель литературы / Составители Е. Н. Позднин, Ю. М. Шеварёнок / под ред. А. В. Коровашко. Нижний Новгород: ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2014. – 67 с.

⁷ Леднёв А. В. «М. Горький. На дне: анализ текста. Основное содержание. Сочинения / А. В. Леднёв. 7-е изд. – стереотип. – М.: изд. Дрофа, 2006. (с.99—101)

⁸ Спиридонова Л. А. М. Горький в жизни и творчестве: учебное пособие для школ, гимназий, лицеев и колледжей / Л. А. Спиридонова. – М.: ООО «ТИД» Русское слово – РС, 2012. – 112 с.

Введение. Современен ли Горький?

Лет тридцать-сорок назад сам по себе вопрос – современен ли Горький? – мог бы показаться, по меньшей мере, странным, кощунственным. Отношение к Горькому было суеверно-языческим. На него смотрели как на литературного бога, беспрекословно следовали его советам, подражали ему, учились у него. А сегодня это уже – проблема, которую мы открыто и откровенно обсуждаем⁹.

Литературоведы и критики по-разному относятся к поставленной проблеме. Одних она серьезно тревожит, другие, наоборот, не видят особых причин для беспокойства. По их мнению, Горький есть явление историческое, а внимание даже к величайшему писателю – величина не постоянная, а переменная. Третьи склонны приглушить остроту вопроса и даже снять его. «В последние годы, – читаем в одном из трудов, – некоторыми критиками за рубежом и у нас была создана легенда о том, что интерес к творчеству Горького сейчас резко снизился, что его читают мало – вследствие того, что он будто бы «устарел». Однако факты говорят о другом – заявляет автор и в подтверждение приводит число подписчиков на академическое издание художественных произведений писателя, которое перевалило за триста тысяч...

Конечно, Горький был и продолжает оставаться одним из популярных и любимых художников. С его именем связана целая эпоха в нашей и мировой литературе. Началась она накануне первой русской революции и достигла расцвета перед второй мировой войной. Шли трудные и тревожные предвоенные, военные и первые послевоенные годы. Горького уже нет в живых, но его влияние не только не ослабевает, но даже усиливается, чему способствуют труды таких горьковедов, как В. А. Десницкий, И. А. Груздев, Н. К. Пиксанов, С. Д. Балухатый. Несколько позднее создаются капитальные исследования С. В. Касторского, Б. В. Михайловского, А. С. Мясникова, А. А. Волкова, К. Д. Муратовой, Б. А. Бялика, А. И. Овчаренко и других. В них в разных аспектах исследуется творчество великого художника и раскрывается его кровная и разносторонняя связь с народом, с революцией. Институт мировой литературы АН СССР создает многотомную «Летопись» жизни и деятельности писателя и вместе с Государственным издательством художественной литературы в 1949—1956 годы выпускает тридцатитомное собрание его сочинений.

Было бы в высшей степени несправедливо недооценивать результаты развития горьковедческой мысли 40 – 50-х годов, оказавшей благотворное влияние не только на пропаганду творческого наследия Горького, но и на общий подъем эстетической культуры. Горьковеды не теряют своих высот и сейчас, хотя, быть может, и не играют той роли, какую играли в былые времена. Об уровне их нынешних исследований можно составить представление по академическому изданию Полного собрания сочинений М. Горького в 25 томах, предпринятому Институтом мировой литературы имени А. М. Горького и издательством «Наука».

Однако, отдав должное нынешним горьковедам, нельзя не подчеркнуть и другого, а именно: наличия некоторого нежелательного несоответствия между словом о Горьком и живым восприятием слова самого Горького сегодняшним зрителем, слушателем или читателем, особенно молодым. Случается, и нередко, что слово о Горьком, произнесенное с уни-

---

⁹ См., например, материалы научной сессии Отделения литературы и языка АН СССР, Института мировой литературы им. Горького АН СССР и Научного совета «Закономерности развития мировой литературы в современную эпоху», состоявшейся 25—27 марта 1968 года и посвященной столетию со дня рождения А. М. Горького. – В кн.: Горький и современность. М., 1970; материалы всесоюзного творческого совещания «Современная советская литература и художественный опыт Горького», проведенного в июне 1977 года на родине писателя (Вопросы литературы, 1977, №9, с. 14—99); высказывания художников, литературоведов и критиков под рубрикой «Горький и современность», опубликованные журналом «Новый мир» в январской книжке за 1977 год и в мартовском номере за 1978 год, а также многочисленные публикации в журнале «Театр» и других изданиях периодической печати.

верситетской кафедры, в школьном классе или опубликованное в печати, само того не подозревая, становится между писателем и читателем (или слушателем) и не только сближает, но, случается, и отдаляет их друг от друга.

Как бы то ни было, но в отношениях между нами и Горьким за последние десятилетия что-то сместилось. В повседневных литературных* заботах мы стали реже и реже упоминать его имя, ссылаться на него. Пьесы этого величайшего драматурга идут на сценах наших театров, но с ограниченным успехом и без былого размаха. Если в конце тридцатых годов премьеры горьковских пьес, бывало, достигали чуть ли не двухсот спектаклей в год, то в пятидесятые годы в театрах Российской Федерации исчислялись единицами. В 1968 году, который обычно называют «годом Горького», было поставлено 139 спектаклей по его произведениям, но 1974 год оказался для драматурга вновь нерепертуарным. Особенно же тревожно положение с изучением Горького в школе.

В чем или в ком причина, в нас или в Горьком?

Если причина в самом писателе, то тут особенно хлопотать не о чем. Мало ли литературных знаменитостей забыто! Стареют темы, идеи, блекнут образы... Сам Горький не раз заявлял, что недоволен своими произведениями. Например, о самой лучшей своей пьесе «На дне» он на склоне лет своих сказал: «На дне» – пьеса устаревшая и, возможно, даже вредная в наши дни».

Но не следует спешить искать причину некоторого – несомненно временного – «разлада» между нами и Горьким в самом Горьком. Он принадлежит к числу тех немногих художников, творения которых времени не подвластны. «Горькому не грозит забвенье, и нет Горькому конца как драматургу, – сказала С. Бирман, исполнительница роли Вассы Железновой. – Ведомы ему паузы, но это паузы перед новым рождением»¹⁰.

К слову, не раз провозглашали «конец» Горького. Едва ли не впервые эта сакраментальная фраза была высказана Д. В. Философовым еще в эпоху первой русской революции и потом время от времени повторялась у нас и за границей. Зинаида Гиппиус во французском журнале «Mercure de France» (1908, май) писала, что Горький как писатель, как художник «если и расцветал для кого-нибудь, то давно уже отцвел, забыт. Его уже не видят, на него не смотрят». Ю. Айхенвальд чуть позже скажет, что Горький не только кончился, но никогда не начинался. После Октября Горького найдет «не в форме» Виктор Шкловский и даже Луначарский однажды мимоходом заметит, что в революционные Мильтоны Горький не годится. Толки о «конце» Горького встречаются и в наши дни. Джон Пристли в книге «Литература и человек Запада», отметив популярность писателя в начале прошлого века, утверждает, что сегодня влияние Горького якобы вообще исчерпано.

Однако все утверждения такого рода до сих пор рассыпались в прах перед реальным положением. Оно же заключается в том, что Горький оказался во главе прогрессивного литературного движения XX столетия. Недаром Ромен Роллан подчеркивал, что «никогда и никому, кроме Горького, не удавалось столь великолепно связать века мировой культуры с революцией». «Он совершил переворот в литературе нашего века», – заявит Акоп Акопян, а английский критик и публицист Ральф Фокс выскажется еще определеннее: «Сейчас появляется все больше и больше писателей, видящих единственную свою надежду в этом пути, который нам впервые был указан Горьким».

---

¹⁰ Горьковский альманах. Год 1946. М., 1948, с. 249.

А.М. Горький. Автор: Дмитриев М.П. Фотоателье Дмитриева М.П. 1901 г. до 7 марта. КП-13411/Ф-716

А. И. Овчаренко в своей содержательной, богатой фактическим материалом книге «М. Горький и литературные искания XX столетия» убедительно показал Горького как писателя, открывшего «новую страницу в мировом искусстве». В качестве одного из доводов он приводит высказывания крупнейших писателей, составляющих цвет мировой литературы, о влиянии А. М. Горького на современный литературный процесс (Р. Роллана, А. Барбюса, А. Жида, Ш. Андерсона, Т. Драйзера, Дж. Голсуорси, К. Гамсуна, Р. Тагора и многих других). «Горький расширил область литературного творчества, открыл новые пути и перспективы для мировой литературы», – писал Генрих Манн, а Томас Манн подчеркнул, что он, Горький, вне всякого сомнения, «великое явление мировой литературы». От него «исходит обновление, которому уготована долгая жизнь»¹¹.

Из сказанного следует, что причина «разлада» между нами и Горьким кроется в конечном счете не в Горьком, а в нас самих, в той конкретной эстетической ситуации, которая сложилась в настоящее время, в тех сдвигах, которые произошли в восприятии его произведений

---

¹¹ Овчаренко Л. И. М. Горький и литературные искания XX столетия. М., 1978, с. 466, 468.

и которые, по всей видимости, недостаточно учитываются и школой, и театром, да и самим горьковедением.

Среди литературоведов и критиков, режиссеров, артистов, преподавателей средней и высшей школ и вообще всех, кто имеет прямое отношение к пропаганде горьковского наследия, наметилось, по крайней мере, две тенденции. Одни полагают, что в восприятии художественного творчества М. Горького сегодня ничего не изменилось и что, следовательно, нет нужды и в пересмотре уже сложившихся суждений по поводу тех или иных его произведений. Сторонники устойчивых взглядов ревностно охраняют традиционные концепции и, по справедливому замечанию академика М. Б. Храпченко, «склонны оценивать всякий свежий подход к творчеству писателя как простое заблуждение»¹². Другие, наоборот, считают, что припела пора нового прочтения его произведений и в этом видят основное средство для устранения всех тех трудностей, которые возникли и в школе, и в театре, и в критике.

Отвечая на анкету, составленную «Вопросами литературы» в связи со столетием со дня рождения А. М. Горького, Юрий Трифонов писал: «Горький по-настоящему еще не прочтен и не понят. Вульгарный социологизм нанес ему вред более, чем кому бы то ни было. Горький как лес – там есть и зверь, и птица, и ягоды, и грибы. А мы несем из этого леса только грибы»¹³.

С суждением Ю. Трифонова соприкасаются слова А. Арбузова, сказанные по тому же поводу: «Огромная беда в том, что ни одному из русских классиков так не мешает хрестоматийность, как Горькому. Далее Маяковскому не в такой мере. Общепринятое, общезначимое нередко довольно плотно заслоняет вершины его творчества. Многим они не известны вовсе. В этом смысле открытие Горького еще впереди»¹⁴.

М. Б. Храпченко с сочувствием процитировал слова Ю. Трифонова в вышеупомянутой статье и назвал верной мысль «о возможности и необходимости нового осмысления художественного наследия Горького». По его мнению, преодоление вульгарно-социологических взглядов, тех или иных привычных, односторонних представлений о Горьком «позволит более глубоко понять его особенности, общественно-эстетическую значимость».

Б. Бабочкин, большой знаток и тонкий ценитель драматургии Горького, в своих «Заметках о «Дачниках» (1968), отметив огромное влияние драматургии Горького на советский театр и дав высокую оценку постановкам «На дне» и «Врагов» во МХАТе, «Варваров» в Малом театре, «Егора Булычова» в театре имени Евгения Вахтангова, вместе с тем указал, что все эти достижения «относятся к более или менее отдаленному прошлому». «На сцене большинства наших театров, – писал он, – Горький в последние годы превратился в некий противоестественный гибрид идеологического начетчика с бытописателем-жанристом конца XIX века». Знаменитый актер и режиссер надеялся, что скоро такое понимание Горького уйдет в прошлое и наш театр обратится к горьковскому наследию «с новыми силами, с новыми планами, с новыми желаниями». Он мечтал о том, что «начнется новое открытие Горького в театре», новая сценическая жизнь «Фальшивой монеты», «Достигаева», «Дачников», и был убежден, что скоро «с новой силой, по-современному зазвучит «На дне...»¹⁵.

Спор между сторонниками устойчивых взглядов и ревнителями обновления (назовем их так) в конечном счете сводится к вопросу о соотношении истории и современности, к проблеме современного прочтения классиков. Классики же, как правило, связаны с прошлым. Не исключение среди них и Горький, ибо подавляющее большинство его произведений, в том числе и драматических, написано о дореволюционной России.

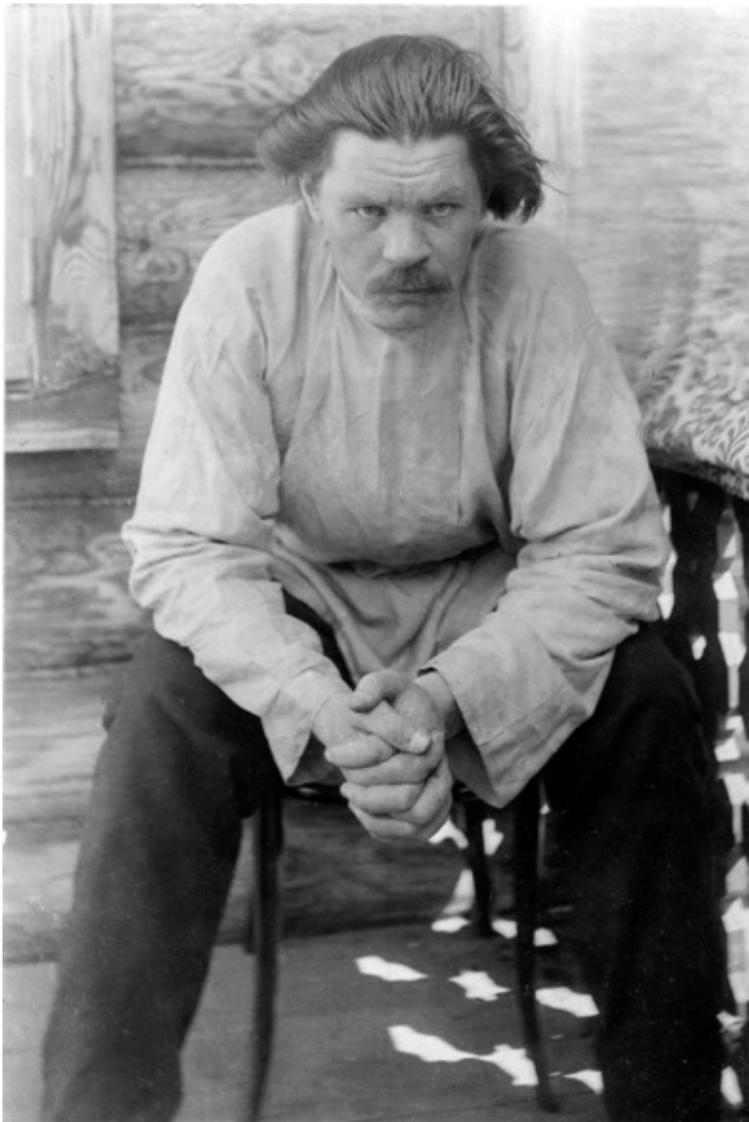
---

¹² Храпченко М. Б. Горький и наше время. – В кн.: Горький и современность. М., 1970, с. 16.

¹³ Вопросы литературы, 1968, №3, с. 16.

¹⁴ Там же, с. 7.

¹⁵ Бабочкин Б. Заметки о «Дачниках», – Театр, 1968, №3, с. 13.

Фотография. Портрет А.М.Горького. Автор:
Симанский Н.Н. 1901г. Ф-3030/2

Дело в том, что в довоенные годы (имеется в виду Великая Отечественная) эта проблема, особенно по отношению к Горькому, не ощущалась так остро, можно сказать, её вовсе не было постольку, поскольку для подавляющего числа читателей и зрителей дореволюционная Россия еще не успела стать далеким прошлым и воспринималась не объективно, не исторически, а скорее публицистически, как недавняя, но еще живая реальность. Сама историческая наука вплоть до 30-х годов трактовалась многими как политика, опрокинутая в прошлое, а реализм воспринимался по преимуществу как искусство разоблачающее, призванное срывать с покрова действительности «все и всяческие маски». Публицистически воспринимался и Горький. Он выступал едва ли не как самый главный свидетель обвинения «свинцовым мерзостям прошлого», и в довоенные годы, особенно в двадцатые, в начале тридцатых годов, это звучало вполне современно.

После войны положение существенно изменилось. В театр пришел новый зритель, который родился и вырос уже после Октября и о дореволюционном прошлом знал только понаслышке, из книг. Он с любопытством смотрел постановки горьковских пьес в исполнении хороших артистов, но уже не соотносил всего того, что видел, прямо и непосредственно со своим личным жизненным опытом. Следует помнить, что большинство постановок, осо-

бенно периферийных театров, не отличалось самостоятельностью, преобладало, по словам Г. Товстоногова, публицистическое начало над психологическим¹⁶. Отсюда почти неизбежная прямолинейность, однотипность в решении конфликтов, сценические штампы, тематическое однообразие и прочее. Представление о самой дореволюционной России в предвоенные и особенно в военные годы у советских людей сильно изменилось. В своем прошлом люди стали видеть не одни недочеты. Вслед за древнерусским летописцем они теперь могли бы сказать, что Святослав, Игорь, Владимир Мономах – «не беси, а предки наши». Все это привело к тому, что интерес к традиционным постановкам пьес Горького стал ослабевать. Если в 1940 году из 250 классических пьес, поставленных в российских театрах, на «долю Горького» приходилось более 170, то в 1950 году – только 32. Тогда-то и возникла проблема «Горький и современность». В 1946 году Всероссийское театральное общество организовало конференцию в Москве под девизом: «Горький сегодня». На этой конференции и было сказано, что долг театра – «вновь и вновь возвращать Горького сюда, к нам, в наше сегодня»¹⁷.

Что классику надо ставить современно, в этом сейчас нет никаких сомнений. Театр тем и отличается от других видов искусства, что к какой бы теме он ни обращался, подтекст современности для него является неперенным и обязательным условием. Алексей Баталов в одной из своих статей вспоминает, что в 1936 году в день смерти Алексея Максимовича, в Киеве, где в то время гастролировал МХАТ, шел спектакль «На дне». Спектакль со сцены без всяких режиссерских усилий звучал как величественный реквием писателю. Театр, по мнению А. Баталова, быстрее других реагирует на окружающую жизнь. «Каждый вечер, приходя в театр, актер приносит с собой все, чем дышит сегодняшней день»¹⁸.

Возвращение Горького сегодняшнему дню оказалось делом чрезвычайно сложным и трудным, и не только для режиссеров-постановщиков, артистов, но и горьковедов, и театральных критиков, и учителей. Парадоксально, но факт: в сегодняшний день легче «вписывались» Толстой, Достоевский и Чехов, нежели... Горький.

Если сказанное верно, то вполне возможно, что часть вины за «разлад» между нами и Горьким – и не малую – должны взять на себя горьковеды.

Наше горьковедение сложилось и даже пережило свой расцвет в те годы, когда в критике господствовал идейно-тематический подход к анализу произведений искусства, но явно недооценивались специфические художественные средства их создания. Горьковеды в свое время неплохо раскрыли идейно-тематическую основу творчества великого пролетарского писателя, но недостаточно глубоко охарактеризовали эстетическое и нравственное содержание его произведений, не высветили перед читателем все богатство и разнообразие красок его художественной палитры. В результате был осознан лишь самый первый, поверхностный слой горьковского наследия, но его глубинное содержание осталось в значительной мере как бы скрытым от нас. За последние десятилетия существенно усовершенствовался аналитический инструментарий нашей литературной науки. Мы стали глубже вникать в эстетическую сущность искусства, в природу прекрасного, возвышенного, трагического, комического и т. д. Это существенно продвинуло нашу эстетическую мысль и позволило нам заново перечитать и Чехова, и Достоевского, и Толстого, и других классиков отечественной и зарубежной литературы. Но этот благотворный процесс, к сожалению, мало коснулся Горького. Горьковеды перестраиваются на новый лад крайне медленно и весьма неохотно идут на новое прочтение его произведений.

---

¹⁶ См.: Товстоногов Г. Мой Горький. – Театр, 1968, №3, с. 4.

¹⁷ Материалы конференции опубликованы в сб.: Горьковский альманах. Год 1946. М., 1948.

¹⁸ Баталов Алексей. Новое – что это? – Театр, 1961, №1, с. 45.

Доктор Долгополов Н.И. прослушивает А.М.Горького. Автор: Симанский Н.Н. г. Н.Новгород. 1901 г. КП-34143

Где же истина? Есть ли действительная необходимость в новом подходе к Горькому? Или это всего лишь преходящая мода, своего рода критическая болезнь, поветрие, ничем не обоснованное дилетантское желание отдельных деятелей забежать вперед? Чтобы ответить на этот жизненно важный вопрос, надобно изучить функциональную роль художественных произведений Горького для современности. Задача эта столь же сложна, сколь интересна и захватывающая, и может быть по плечу только коллективу, так как реальное влияние Горького на исторический процесс всегда носило универсальный и всеобъемлющий характер.

В предлагаемых вниманию читателя очерках мы остановимся лишь на одном произведении Горького – на пьесе «На дне». Выбор объяснить нетрудно. «На дне», – одно из главных произведений Горького и всей драматургии XX столетия.

Вот уже около больше сотни лет эта пьеса читается с неослабевающим интересом и не сходит со сцен театров у нас и за рубежом. Не умолкают и споры вокруг этого изумительного творения, причем не только среди профессиональных критиков, артистов, режиссеров, педагогов, но и читателей, включая учащихся и студентов. К героям пьесы каждое новое поколение проявляет живейший интерес, пытаясь по-своему осмыслить загадочного Луку и других бродяг «философской» ночлежки.

Книга состоит из трех глав.

Первая – «В поисках истины» – посвящена анализу нынешней эстетической ситуации, сложившейся вокруг пьесы «На дне» в школе, театре и критике. Опираясь на конкретный и вполне достоверный фактический материал, мы стремимся выявить действительное отношение к Горькому и его героям читателей, слушателей и зрителей 50—70-х годов и понять суть разногласий, царящих среди горьковедов и критиков.

Во второй главе – «Перед судом современников» – рассматриваются споры, которые вызвала публикация пьесы и её постановка в Московском Художественном, берлинском Малом и других театрах. Споры эти поучительны, так как многое из того, что волнует сейчас и читателей и критику, в свое время волновало и современников её первых постановок.

В третьей, заключительной главе – «Идея „дна“ и его обитатели» – предпринимается попытка раскрыть глубинное идейно-художественное содержание пьесы и дать объективную характеристику её героев. Признаемся, нам очень хотелось бы избежать той вольной или невольной односторонности, которая обычно сопровождает анализ этого произведения Горького. Но насколько это удалось – не нам судить.

Глава первая. В поисках истины ШКОЛА. ТЕАТР. КРИТИКА

I

Учителя говорят:

– Вызвать интерес к Горькому в школе трудно...

– Горький от нас уходит...

– Ребята скучают, когда разбираем «Мать»...

Журнал «Урал», из которого мы позаимствовали этот диалог, в мартовском номере за 1968 год опубликовал своеобразный «репортаж из редакции», где шла откровенная речь о том, как пользуемся мы наследством Горького и какие проблемы встают на этом пути. В беседе приняли участие артисты, литературоведы, философы, учителя города Свердловска (Екатеринбурга).

«С этой повестью, – признается одна учительница, имея в виду „Мать“, – я терзаюсь из года в год. За двадцать пять лет работы лишь три-четыре раза я была довольна, как прошли уроки». А вот свидетельство режиссера, преподающего в местном театральном училище: «Что греха таить, среди молодежи, особенно творческой, нередки споры: современен ли Горький?» «И подчас юные скептики, – отмечает он, – зная Горького только по школьной программе, готовы отказать ему в прописке среди наших современников».

Судя по репортажу, на это готовы были не только «юные скептики», но и некоторые педагоги, когда в своих выступлениях утверждали, что повесть «Мать» – это «уже история», что она сыграла свою пропагандистскую роль и теперь уже «не звучит», что она «ниже по своим художественным достоинствам, чем поздний Горький» и т. д. и т. п. Им вполне резонно возражали, что наши поиски будут плодотворны не тогда, когда мы начнем отказываться от того или иного произведения («любую книгу можно засушить... казенным подходом к её анализу»), а тогда, когда попытаемся найти в нем «новое содержание, не открытое, не увиденное до сих пор». И современное горьковедение, говорилось, нам тут может помочь.

Кстати, характеристика уровня эстетического анализа горьковских произведений была критична и самокритична:

«...Мы как-то „заславословили“ Горького. Так много стало банальных, необоснованных, никого не убеждающих статей!»

И еще:

«Многие годы литературоведение, критика и педагогическая практика частенько подавали Горького, закованного в броню усеченных цитат».

Один из педагогов (А. Голубых) сказал так: «От нас подчас уходит богатый, большой мир Горького, так как мы „вылавливаем“ каждый раз только главную мысль произведения и подаем её голый, оторванной от ткани художественных образов».

В признаниях свердловских учителей заключена значительная доля горькой правды нынешних педагогических будней, и характерна она, надо думать, не только для них. Если педагог не сможет привить любви к Горькому, возбудить к нему интерес, то его воспитанник войдет в жизнь духовно обделенным, и могут пройти годы, прежде чем он откроет для себя (если откроет) художественный мир родоначальника социалистического реализма.

Следует, впрочем, оговориться, что «страдает» от школьного преподавания не только Горький. Вот свидетельство одного из педагогов:

«Сергей из 9 «Г», математического:

– Инна Яковлевна, а скоро мы «Войну и мир» кончим?

– Скоро. А что?

– Надоело. (Был бальзам для души – «Война и мир». А «прошли» в школе – опосты-
лело»¹⁹.

Методистов, учителей, вузовских преподавателей тревожит состояние изучения творче-
ства М. Горького в школе. По собственному почину они пытаются доискаться до первопри-
чин, ведут опросы учащихся. Опросы эти никем не координировались, но приобрели довольно
широкий

размах. Они проводились в Москве, Ленинграде, Иваново, Горьком, Ставрополе и других
городах и нашли известное отражение в печати.

В центре внимания оказалась пьеса «На дне». Перед молодыми людьми ставились самые
разнообразные вопросы, связанные с этим феноменом отечественной драматургии, в том числе
и традиционный вопрос о Луке.

Ребята, как правило, активно включаются в дискуссию и проявляют к пьесе М. Горького
и её героям живой и неподдельный интерес, что уже само по себе многое значит. К судьбе
горьковских бродяг остаются равнодушными даже самые пассивные и неподготовленные,
с точки зрения педагогов, ученики. Так, И. Я. Кленицкая в брошюре «Радости и горести моей
профессии» рассказывает, как её «слабый и молчаливый 10 «б» вдруг «прорвало» на пьесе
«На дне»:

«Все началось с Луки... Я спросила ребят, что они о нем думают. И пошло!

– Я считаю, он утешает их, как может, вот и все. Не его вина, если при таком строе он
с ними ничего больше не может сделать.

– Что же, наговорить про райскую загробную жизнь – это, по-твоему, дело?

– Так ведь он это кому говорит? Умиравшей! Что же, он её на баррикады должен звать?»

Приведенный диалог между учителем и учеником весьма характерен для нравствен-
ного и психологического климата нынешней школы при обсуждении пьесы «На дне». Ученики
порой не видят и не хотят видеть в Луке злого человека. Это подтверждают и выпускники ива-
новских средних школ. Им было предложено подумать над вопросом: совпадает ли точка зре-
ния Горького-драматурга с точкой зрения Горького-критика? (Горький, как известно, в своих
статьях и устных высказываниях относился к Луке резко отрицательно, называл его жуликом.)
Вывод учеников был единодушным: Лука – не жулик, не лицемер, он не безразличен к людям,
а глубоко сочувствует и искренне хочет помочь им²⁰. К такому же выводу пришли и учащиеся
11-го класса одной из московских вечерних школ.²¹

В книге Л. С. Айзермана «Уроки литературы» (М., 1974) приводятся результаты одной
городской контрольной работы, в которой приняли участие 826 человек. Перед учащимися
была поставлена задача выразить свое отношение к трактовке образа Луки артистами К. Ско-
робогатовым и Н. Левкоевым. Скоробогатов считал Луку единственным в пьесе деятельным
героем, кто «занят не собой, а другими», а Левкоев назвал его «человеколюбом» и подчерк-
нул, что у него «органическая потребность делать добро». Подсчеты показали, что 14,6 про-
цента учеников полностью отвергли театральную трактовку, 6 процентов разделили с арти-
стами взгляд на Луку, а 79,4 процента нашли её односторонней.

В «Комсомольскую правду» пришло письмо от учащегося 10-го класса Александра Ино-
родцева. Вот оно.

«Недавно в нашем классе мы долго спорили по одному вопросу, но так ни к чему
и не пришли.

¹⁹ 1 Кленицкая И. Я. Радости и горести моей профессии. М., 1976, с. 4 – 5.

²⁰ О преподавании литературы. Иваново, 1975, с. 28.

²¹ Совершенствование преподавания литературы в школе. М., 1972, с. 116.

А началось все с сочинения по пьесе Горького «На дне». Один парень писал про образ Луки. И там он выступил против слов Горького «кладбищенское чувство – жалость». Он написал, что жизнь – штука сложная и не всегда все можно оценить однозначно, что в жизни бывают случаи, когда жалость необходима, когда жалостью можно просто спасти кого-нибудь. И, правда, бывает так тяжело, что хочется, чтобы тебя кто-нибудь пожалел, какой-нибудь современный Лука. И вообще, по-моему, жалеть человека куда человечней, чем не жалеть. «Жалость – основа гуманности», – написал этот парень.

Но ему за содержание, «за взгляды» учительница поставила тройку (двойку она не могла поставить, потому что он, как она сказала, все-таки мыслил). Учительница, разбирая сочинения, сказала, что жалость – это не уважение к человеку, что, мол, людям надо помогать, а не жалеть их, жалостью можно только унижить человека: жалость воспитывает хлюпиков, а нам хлюпики не нужны, а нужны принципиальные борцы.

Многие согласились с ней, но Игоряху – это он написал сочинение... – меня и еще двух-трех человек её слова не убедили. Мы пытались что-то возражать, но видели снисходительные улыбки»²².

Письмо Александра Инородцева во многих отношениях весьма любопытно. Оно достаточно точно характеризует постановку проблемы жалости в практике школьного преподавания, которая в конце концов сводится к дилемме: жалость – это «основа гуманности» или «неуважение к человеку»? На протяжении десятков лет многие педагоги без устали повторяют слова Сатина о том, что не жалеть, а уважать человека надо, повторяют без каких бы то ни было философских и исторических комментариев. Они преподносят эти слова как истину, приписывают их самому Горькому и не догадываются при этом, что само противопоставление уважения жалости недиалектично, некорректно и, вообще говоря, неверно. Учительница, не понимая сути вопроса, рассуждая догматически, сбивает с толку ребят. Извиняет её разве только то, что её заблуждения – не есть заблуждения её личные. Она не одна думает так.

«Комсомольская правда», желая внести ясность в затронутую в письме проблему, публикует статью кандидата философских наук А. Гусейнова «Очень серьезно о жалости», в которой и ставится вопрос с головы на ноги, делается то, что обязана была разъяснить ученикам сама учительница.

Мы вернемся к проблеме жалости, когда будем речь вести о Луке, сейчас же отметим, что нынешние молодые люди уже не верят на слово ни педагогам, ни артистам, ни литературоведам, ни даже самому Горькому-критику. Они хотят дойти до сути своим собственным умом. В них, может быть, как никогда раньше, проснулся тот самый «инстинкт познания», о котором мечтал Горький, желание проверить и перепроверить сказанное старшими. Им уже не свойственно то преклонение перед авторитетами, какое характерно было для их сверстников тридцатых-сороковых годов. Они гораздо настойчивее, чем делали это в том же возрасте их отцы, требуют доказательств и симпатии отдают тому педагогу, который их предьявляет.

Интерес педагогов к суждениям своих воспитанников, хотя бы о том же Луке, можно только приветствовать. Он совпал с рождением в нашем литературоведении нового направления – так называемого функционального изучения литературы. Анкетирование, опросы и прочие приемы этого метода помогут выявить разные уровни эстетического сознания тех или иных социальных и возрастных групп населения, в том числе и школьников. Располагать такими данными полезно, даже необходимо, так как они характеризуют обыденное, неискушенное эстетическое сознание. Сложившееся под влиянием окружающей среды, семьи, школы, массовых средств эстетического воспитания, собственного жизненного опыта, оно служит педагогу, литературоведу, критику как бы отправным пунктом в деле дальнейшего развития художественного вкуса людей.

---

²² Комсомольская правда, 1969, 25 дек.

Уровень эстетического сознания современных молодых людей довольно высок, хотя и не лишен известных противоречий. Они без особого труда и, как правило, безошибочно определяют социально-классовую сущность того или иного литературного персонажа, но порой испытывают трудности в оценке нравственных качеств героя. Некоторые из них могут вполне искренне предпочесть Молчалина Чацкому («Горе от ума»), Варвару – Катерине («Гроза») и не увидеть в этом каких-либо отступлений от норм нашего общежития. Может статься, что кое-кто в наше время с сочувствием отнесется к старику Бессеменову из горьковских «Мещан» и не во всем примет Нила. Но это будет означать лишь, что современное обыденное сознание сложно, противоречиво, что те люди, которым положено формировать вкусы других, должны не подлаживаться к нему, а поднимать его на какую-то новую высоту. А для того чтобы справиться с этим, нам нужно иметь научно обоснованную тактику и стратегию нравственно-эстетического воспитания, которая бы координировала усилия педагогов и критиков, школы и театра в определенном направлении.

К сожалению, на деле случается, и нередко, что мы приноравливаемся к ученикам, выделяя в той же пьесе «На дне» то «философский», то «трудовой» аспект в зависимости от преобладающего интереса такого-то класса, и прибегаем к другим приемам, лишь бы увлечь школьников. Иногда даже спешим пересмотреть свои собственные взгляды. Так, у одного не слишком отягченного, по словам методиста, премудростью литературоведческого познания школьника со Ставропольщины не сложилось особого впечатления от картин жизни людей «дна», нарисованных Горьким. «И я думаю, что потому, – объясняет ученик, – что изменились условия жизни. Мне кажется – говорит он, – что если бы это я испытал на своих плечах, то я бы с большей силой посочувствовал героям этой пьесы».

Сказанных слов оказалось достаточно, чтобы заключить, что «определенные стороны художественной структуры пьесы Горького – непосредственное изображение „дна“ жизни – перестают оказывать эмоциональное воздействие на читателя, сохраняют свое воздействие лишь как факт истории (!) и поэтому в известной мере нейтрализуются»²³.

Такая постановка вопроса означает, по существу, отказ произведению М. Горького в современности. Л. П. Егорова явно поторопилась с обобщениями. Многочисленные опросы учащихся не подтверждают этого. Анализ ученических анкет в городе Иваново показал, что подавляющее число школьников читало пьесу «с большим волнением», она вызвала у них «чувство сострадания» к обитателям ночлежки. Картина «дна», нарисованная Горьким, произвела сильное впечатление на многих. «Дно реки, озера, какого-то сосуда – это ясно и понятно. Но „дно“ жизни! Это что-то страшное и вызывает дрожь, когда читаешь пьесу», – пишет Вера А. «Как-то страшно становится оттого, что люди жили в таких условиях и никто не мог им помочь», – заявляет Нина Л., а Ирина К. жалуется: «Какое-то мрачное ощущение мешало читать пьесу, как будто на меня давит низкий и грязный потолок ночлежки»²⁴.

Реакция ивановских школьников на картины «дна» естественна и вполне объяснима. «Может ли вообще у человека нового не быть никакого интереса-к людям прошлого? – спрашивал сам Алексей Максимович у своих у слушателей Каприйской школы и отвечал: – Разумеется, нет. Это невозможно психофизиологически, ибо новый человек рождается не в безвоздушном пространстве, а в известной социальной среде, в более или менее тесном кругу идей, традиций, предрассудков и т. д. Он может отрицать их теоретически, но он насыщен ими, они в нем есть».

Конечно, ночлежки, бродяги, босячество – это далекое прошлое для нашего общества. Но стали «историей» трагедии Гамлета и Анны Карениной, однако их судьбы не безразличны для нас. Почему же мы должны быть равнодушны к обитателям «дна»? Они тоже по-челове-

---

²³ Проблемы функционального изучения литературы. Классическая литература и современность. Ставрополь, 1975, с. 43.

²⁴ О преподавании литературы. Иваново, 1975, с. 23.

чески достойны сострадания и жалости. Скорее можно понять Веру А. и её подружек из Иванова, нежели их сверстника со Ставропольщины. Его равнодушие к обитателям ночлежки есть результат не столько современного взгляда на пьесу, сколько, может быть, собственной эмоциональной глухоты, эстетической и нравственной недоразвитости.

Группа нижегородских босяков. Подготовка материала для постановки МХТ спектакля по пьесе Горького А.М. "На дне": Барон Бухгольц, босак (стоит, третий слева). Автор оригинала: Дмитриев М.П. 1902. НВ-1273

Другое дело, что у ивановских девчат впечатление от произведения несколько односторонне. Они испытывают перед безысходностью жизни на «дне» преимущественно страх и ужас, а их педагог, по его собственному признанию, на уроках литературы пытается поддержать «именно такое восприятие пьесы».

Что же ищут и что находят или должны найти, на взгляд методиста из Иванова, ученики в горьковской пьесе «На дне»?

а) «Жестокость и равнодушие ночлежников» (их отношение к Анне); б) «издевательство над всяким (?) проявлением человечности» (отношение Барона и других к Насте); в) «искаженные (?) представления о чести и совести»; г) «утверждение жульничества и обмана как

основного закона жизни» (эпизод игры в карты в начале второго действия); д) «нетрудовая психология ночлежников». Конечный вывод, сформулированный методистом, жесток и категоричен: будучи жертвами эксплуататорского буржуазного общества, босяки, включая и Сатина, «сами являются носителями его пороков и потому не могут по своей природе быть борцами за переустройство мира».

Этот вывод, похожий на приговор, не оставляет места жалости и состраданию к босякам. Стоит ли жалеть этот человеческий «мусор»? Ведь не жалеет же мы ни Василису, ни Костылева!

Следует оговориться, что Ф. И. Беленькая, статью которой «Школьники читают пьесу М. Горького «На дне» (сборник «О преподавании литературы», Иваново, 1975) мы только что цитировали, выражает в данном случае весьма распространенный взгляд на пьесу Горького. Г. М. Гиголов, например, в своей монографии «Драматургия М. Горького 1902—1906 гг. в современной ей критике и публицистике» (Тбилиси, 1975) костылёвский подвал характеризует эпитетами «кошмарный», «мрачный», называет его обиталищем беспросветной нужды и даже кладбищем надежд. Е. С. Роговер в брошюре «Разнообразие методических приемов в работе над драматическими произведениями» (Л., 1961) дает крайне непривлекательную этическую характеристику обитателям ночлежки, которые «живут по законам буржуазного мира, где человек человеку волк». Разобщенность, обособленность, эгоизм, равнодушие, ложь и страдание – вот чем характеризуется жизнь «дна», говорит Роговер и заключает: «Это не люди, это – животные». Один из авторов пошел еще дальше и назвал ночлежников мертвецами. «Мертвенность, – писал он, – сквозная тема, она развивается на всем протяжении пьесы» (Ученые записки МОПИ им. Н. К. Крупской, т. СХП, 1963, с. 118).

Складывается любопытная, можно сказать, парадоксальная ситуация. Юные читатели при самостоятельном знакомстве с пьесой в подавляющем большинстве относятся к обитателям «дна» с состраданием и симпатией, сочувствуют им. Их подкупают всеобщая неприязнь к Костылёву, настойчивые поиски правды, мечта о лучшей жизни, доброта Луки, трудолюбие Клеща, ум Сатина и т. д. Однако при разборе произведения на уроках литературы им предлагают от всего этого отказаться. Лука, оказывается, вовсе не добрый, а равнодушный, себялюбивый и лживый старик. Клещ – «раб по положению и по убеждению». Актёр – безвольный алкоголик, потерявший не только место в жизни, но даже свое имя. Сатин «тоже заражен пороками буржуазного общества», и вообще все они аморальные типы, «концентрирующие в себе атрибуты индивидуализма: эгоизм, презрение к труду, вражду к себе подобным, беспринципность и т. д.».

Так живое, непосредственное восприятие пьесы вдруг от начала до конца оказывается ложным. Педагог старательно глушит его, без жалости обрывает едва наметившиеся сердечные связи читателей и обитателей «дна» и с большим или меньшим успехом превращает своих учеников из возможных союзников униженных и оскорбленных в судей над ними, разоблачителей действительных и мнимых пороков ночлежников²⁵.

Став судьёю, молодой человек вольно или невольно отъединяет от себя героев, теряет нравственные связи с ними. Происходит своего рода отчуждение, от которого остается один шаг до равнодушия к судьбе героев, к самой пьесе и, в конце концов, к самому автору. Пьеса живет в сознании школьника в лучшем случае как сокровищница великолепных изречений, но она почти не затрагивает его нравственный мир. К слову, по мнению Б. Костелянца, в школе – средней и высшей – пьесу стали изучать как сборник блестящих афоризмов, сочетающий в себе обличение «пассивного утешительства» с «гимном человеку» (Нева, 1968, №3).

²⁵ Г. И. Беленький рассказывает, что при первом чтении из 67 учащихся его классов 36 человек оценили Луку отрицательно, 13 – положительно, другие заняли неопределенную позицию. Учитель не без гордости сообщает, что после классного разбора пьесы все ученики отвернулись от Луки. См.: Беленький Г. И. Восприятие учащимися X класса идей и образов пьесы Горького «На дне». – В кн.: Изучение учащихся в процессе преподавания литературы. Из опыта работы. М, 1959.

Но не маловато ли этого? Не обедняем ли мы классическое произведение таким подходом? Откуда он взялся? Неужели и в самом деле современного читателя или зрителя пьесы «На дне» восхищает лишь «мастерство речевых характеристик героев пьесы, их колоритность», как в этом нас стараются убедить некоторые авторы, уже упоминавшиеся в этой главе? На каком основании наши педагоги столь решительно и безапелляционно отвергают первичные впечатления своих учеников от чтения пьесы? Ради каких принципов и высших целей? И в каком соответствии, наконец, находится эта практика с действительным содержанием этого шедевра драматургии XX столетия?

Восприятие любого художественного произведения, согласно учению В. Г. Белинского, проводит два этапа, две стадии: стадию «восторга» и стадию «художественного наслаждения». Под «восторгом» великий критик понимал «непосредственное» эмоциональное восприятие произведения, а под «художественным наслаждением» – его анализ. Поэтические творения, писал он, «надо сначала перечувствовать, чтобы потом понять мыслью». Увлечение поэтом он считал первым и необходимым моментом в процессе его изучения и неоднократно подчеркивал, что до «художественного наслаждения», то есть до понимания произведения, его истинного постижения «можно прийти только через переход от восторженного увлечения к хладнокровному и спокойному созерцанию». При этом он указывал, что первая стадия доступна всем, вторая требует «читательского таланта» и придет только к тому, «кто видит в искусстве серьезное дело, требующее размышления, вызывающее на мысль, развивающее ум и сердце».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.